

ALEX LAKE

ALEX LAKE

AFTER ANNA

АЛЕКС
ЛЕЙК

ИСЧЕЗНУВШАЯ
ДОЧЬ

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44
ЛЗЗ

Alex Lake
AFTER ANNA

Copyright © Alex Lake, 2015.
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC.

Разработка серийного оформления *Сергея Власова*
Иллюстрация на обороте титула *Михаила Петрова*

Лейк, Алекс.

ЛЗЗ Исчезнувшая дочь / Алекс Лейк ; [пер. с англ. С. Резник]. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Новинки за-
рубежной мистики).

ISBN 978-5-699-92559-9

Джулия Краун — самая обычная жительница Лондона: у нее хо-
рошая работа в адвокатской конторе, скучный супруг Брайан и чудес-
ная пятилетняя дочурка Анна, которая посещает одну из лучших школ
в городе. Непредвиденная задержка на работе, разрядившийся мобиль-
ник — и Джулия в красках представляет, как будет вынуждена смущен-
но бормотать оправдания, словно провинившаяся школьница. Но вме-
сто Анны и ее хмурой учительницы на пороге школы Джулию встречает
взволнованный секретарь директора и заявляет, что ее дочь исчезла...

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92559-9

© Резник С., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ПРОЛОГ

Все вышло куда проще, чем можно было ожидать. Девочка повелась. Озираясь, она вышла из школы. Одна. Родители не удосужились забрать дочку. Ай-яй-яй, кто ж так делает? Какая безответственность — оставить пятилетнее дитя на произвол судьбы. Просто ужас!

Зато нам повезло.

А вот ей — нет. И кому точно не повезло, так это ее несчастным, вскорости таким убитым горем, «ах-куда-мы-только-смотрели» — родителям. Зато нам повезло.

Никто ничего не заметил. На сто процентов. Ведь мы были очень внимательны. Наблюдая за всеми этими людьми, слонявшимися у школьных ворот в ожидании избалованных отпрысков, чтобы засыпать их своими тупыми вопросами.

Как прошел день? Чему ты сегодня научился? Моя маленькая принцесса хорошо себя вела? Надеюсь, ты был на высоте?

Так и растят поколение слабых, изнеженных деток, уверенных, что мир вертится вокруг них. Что все и вся будет подстраиваться под их капризы, позволяя им получать желаемое без борьбы. Гниль, исподволь проникающая во все уголки жизни общества, которой никто даже не пытается дать отпор.

Ну, за исключением нас, конечно. Пусть наш вклад и скромн, но мы сделаем все, от нас зависящее, чтобы остановить напасть.

И начнем с этой маленькой девочки.

Теперь она — наша. Отныне и вовеки. Нам нравится обладать. А вот делиться не нравится. Чем делиться, лучше вообще уничтожить. Может, и не самая достойная черта, но от нее не избавиться. Это совершенно бессмысленно. Так было всегда.

И ею мы тоже делиться не будем. Она — наша. Только села в машину — и пропала без следа.

Все прошло просто прекрасно. Как, собственно, и ожидалось.

Признаем, это было даже приятно.

Чего уж там, мы даже мысленно похлопали себя по плечу.

6

Всего лишь везение? Возможно. Удача, она еще никому не мешала. И мы — отнюдь не исключение, по крайней мере в этом смысле. Зато во всех других смыслах мы совершенно не такие, как они. Мы — лучше. Дальновиднее. Решительнее.

Так что удача тут, может, и ни при чем. Ну, разумеется, нет. Если разобраться — просто грамотный расчет. Да-да, именно. Ну, и сноровка, конечно. Кто смел, тот и съел. Это мы, мы сами все сделали. А удача тут ни при чем.

Но почивать на лаврах мы не будем. Ни в коем случае. Это всегда ведет к провалу. Самодовольство — верный путь к поражению. Поэтому не будем пока трогать девочку, не станем забегать вперед, просто на всякий случай.

Сейчас она спит, такая темноволосая, маленькая и красивая. Спит на заднем сиденье машины. Под кайфом, надежно укрытая от посторонних глаз до тех пор, пока не наступит время использовать ее с необходимой нам целью. С той целью, которая настоятельно требо-

вала, чтобы мы ее взяли. Жалко, конечно, что бедняжка оказалась во все это втянутой и что ей придется заплатить за содеянное другими. Несправедливо, но, как известно, мир вообще несправедлив. Жизнь — несправедлива. Это нам тоже известно. Справедливость тут вообще не при делах. Думает ли волк, пожирающий ягненка, о справедливости? Или об оскорблении невинности? Нет, волку есть дело только до его голода. Нет ни справедливости, ни несправедливости. Волк просто берет то, что ему нужно, и эта нужда — его единственное оправдание. Хорошо, плохо, справедливо, несправедливо — эти отвлеченные понятия ничего не значат в волчьем мире.

И в нашем, кстати, тоже. Есть только слабые и сильные, лузеры и победители. Все завывания насчет морали — лишь средство, с помощью которого слабые пытаются помешать сильным. Мы не можем позволить им повлиять на наши действия.

И не позволяем. Никогда не позволяли. И не позволим.

Справедливости не существует.

Она — сказка для слабаков.

Для лузеров.

Трогаясь с места, мы разрешаем себе скупой улыбнуться. Помимо всего прочего, это дельце обещает быть забавным.

ЧАСТЬ I

До того

ГЛАВА 1

Жизнь — сложная штука

1

Похоже, она опаздывала. Опять.

8

Джулия Краун бросила взгляд на часы, висящие на стене конференц-зала. Типичные швейцарские железнодорожные часы с массивными стрелками. Она случайно узнала, что это не имитация, часы были аутентичными. Они прекрасно подходили к овальному столу для переговоров и мягким кожаным креслам. В этом конференц-зале все было самым лучшим. Клиентов подобные вещи обнадеживали.

Два сорок пополудни. Встреча по вопросу опеки над ребенком должна была уже завершиться, однако все пошло вкривь и вкось, в основном потому, что ее клиентка, муниципальный советник Кэрол Проуз, действовала неблагоразумно. Что, разумеется, было объяснимо, поскольку та обнаружила своего мужа Джорди — поэта и преподавателя английского на полставки — в постели с одной из его бывших учениц. Объяснимо-то объяснимо, но легче от этого не становилось.

Джулия нервно постукивала ногой по ножке стола. Она должна была забрать пятилетнюю дочь Анну из школы, и опоздание исключалось. В три тридцать им следовало заехать к одной женщине за щенком кокер-спаниеля. Одним прекрасным утром та проснулась

от жалобных визгов. Спустившись вниз, счастливица обнаружила, что ее собака, всю последнюю неделю выказывавшая странную вялость, с пулеметной скоростью производит на свет щенков.

Женщина работала медсестрой, и сегодня у нее была вечерняя смена. Но она согласилась подождать до полчетвертого, не дольше. Джулия с Анной уже убили кучу времени, покупая для щеночка всякие красивые штучки, выбирая место, где будет его постелька, и придумывая ему имя. Анна предложила назвать собачку Беллой, что Джулия совершенно одобрила. Они запаслись собачьими лакомствами и спланировали, куда будут водить щенка на прогулку. Джулии вовсе не улыбалось столкнуться со слезами, которые непременно последуют, когда дочка узнает, что сегодня щеночка не будет.

Кроме того, Джулии самой позарез нужен был этот щенок. Ему надлежало стать необходимым источником любви и радости. В скором времени ей предстояло начать войну из-за опеки, и если это выльется в то, с чем теперь столкнулась Кэрол Проуз, Анне обязательно нужна будет отдушина.

Нет, Джулия не застукала Брайана в постели с ученицей, оно и к счастью, — тот преподавал в начальной школе. Ни с ученицей, ни с кем-либо еще, если уж на то пошло. А если бы и застукала, ей, вероятно, было бы наплевать. Именно в этом-то и заключалась проблема. В принципе, Брайан ей нравился. Она считала его хорошим мужем и хорошим отцом... ну, ладно — нормальным мужем и нормальным отцом. Просто он ее не вдохновлял. Даже хуже: он ее нисколько не волновал. Сделался чем-то вроде шапочно знакомого коллеги, который тебе безразличен. Скажем, услышав о каких-то проблемах у такого — *«Представляешь, Брайан разводится!»* — ты можешь даже подумать: *«Вот бедняга»*, но на самом деле тебе будет все рав-

но. Что-то в этом роде она и чувствовала по отношению к мужу. Его просто больше не существовало в ее жизни.

Конечно, так было не всегда. Их фото, сделанное во время медового месяца, долго стояло на ее рабочем столе: она и Брайан на белом песчаном пляже греческого острова Милос. Они только-только поужинали рыбой, зажаренной на гриле, а позади горело закатное солнце. Джулия тогда попросила официанта, по совместительству рыбака и владельца пляжного ресторанчика, их сфотографировать.

Потом они стояли, держась за руки и глядя на море.

— Это — рай, — произнесла она. — Просто восхитительно. Мир — вообще волшебное место.

— Ты не обкурилась, часом? — захохотал Брайан. — Как тогда, когда мы под кайфом любовались звездами?

— Но это же правда, — запротестовала Джулия. —

10

Мы — в раю. Шатаемся по колено в воде, и еще целых две недели нам не о чем беспокоиться. И сейчас наша единственная забота — это вернуться в комнату... — Она чмокнула Брайана в щеку, скользнув взглядом по его мускулистым рукам и плоскому животу, легко пробежала пальцами по волосам, покрытым солью. — А там посмотрим, может быть, найдем способ с пользой потратить еще несколько часов нашего медового месяца.

Им было так просто друг с другом, таким близким, таким взаимосвязанным. Но все это закончилось. Их дорожки где-то разошлись, и каждый из них отправился на поиски чего-то своего в этой жизни. Вовремя не заметили, внимания не обратили, что начали отдаляться друг от друга, а потом стало слишком поздно. Задним числом Джулии казалось, что это произошло примерно тогда, когда родилась Анна. Дочь была их единственным ребенком, и, судя по тому, с каким трудом она им досталась, других детей им не светило. Анна заслуживала другого

отца. Такого, который выдумывает забавные истории, отправляется на поиски сокровищ, рисует с дочкой волшебные картинки и изобретает забавные игры. Который всеми силами подпитывает своей энергией ее удивление и трепет перед миром.

Брайан, разумеется, любил дочь. Более того, он обожал ее. Но ему ни разу в жизни не пришло в голову устроить что-нибудь эдакое: разбить лагерь на острове посреди озера или на морском берегу, сходить в театр. Он не строил в саду полосу препятствий, не ставил с Анной кукольных спектаклей, не устраивал соревнований по прыжкам на батуте или олимпийских игр Краунов. Вместо этого он покупал бесконечные розовенькие наборы «Лего» и диснеевских кукол, таких же, как у всех прочих девочек. Его устраивало, что Анна попала в те же тесные пригородные тенета, которые опутали его самого. Для их дочери все это давно стало обыкновенным. Да и для Джулии, если уж на то пошло. Она хотела большего и для себя, и для Анны. Того, что Брайан дать им не мог.

По существу, он оказался скучноватым, хотя Джулия никогда ему этого не говорила.

Точнее — никогда не собиралась говорить, однако, когда месяц назад она завела разговор об их совместном будущем, вернее, о перспективах этого самого будущего, Брайан принял ее слова в штыки. Они крупно повздорили, и Джулия высказала много такого, о чем впоследствии пожалела. Но слово — не воробей, и теперь приходилось расхлебывать последствия.

— Ты, как бы это сказать... Ну, немного... — Джулия подумала про себя «занудный», но вовремя подобрала выражение помягче. — Немного пресный.

Попытка подсластить пилюлю не сработала. Брайан выпятил подбородок.

— Пресный? — повторил он. — То есть занудный, что ли?

Два бокала белого подогрели ее раздражение, и Джулия не нашла ничего лучше, как кивнуть.

Она тогда высказала все, что поначалу и не собиралась. Например, что не желает, чтобы ее жизнь прошла впустую, в скуке и тоске. Или что ей надоело делать одно и то же каждый уик-энд, ездить в отпуск в одни и те же места, ходить в одни и те же рестораны. Что ей хочется большего, хочется необычных приключений, романтики, ярких красок.

— У тебя просто чертов кризис среднего возраста, — отрезал Брайан. — А мне казалось, это я должен был ужаснуться тому, что жизнь проходит мимо, спустить все наши накопления на спортивный автомобиль и начать таскаться по шлюхам.

Вот тогда-то она и ляпнула то, о чем сильно пожалела впоследствии.

12

— Лучше бы ты так и сделал, — заявила она. — Мужчина, в душе которого продолжают кипеть страсти, мне был бы, по крайней мере, интересен. Ты же уже окончательно созрел для шлепанцев и трубки.

— Что? — переспросил он, багровея. — Что ты сказала?

— Что ты созрел для шлепанцев и трубки, — повторила Джулия, удивляясь, что его задело именно это. Но все тут же встало на свои места.

— Нет-нет, — отмахнулся Брайан. — К черту трубки и шлепанцы. Ты сказала, что мужчина, в душе которого кипят страсти, был бы тебе интересен. Значит, я тебя больше не интересую?

Джулия сознавала, что ей не следовало так говорить. Но слова уже вырвались, и они означали ровно то, что она чувствовала. Поэтому она вновь кивнула.

— Можешь сколько угодно считать меня занудным, — продолжал Брайан, — скучным или чего ты еще там набралась в своем «Фейсбуке». Можешь думать, что тебе требуется некий душевный подъем. Положим.

Однако я не могу принять того, что больше тебе неинтересен. Речь даже не об уважении или, боже сохрани, любви, а об интересе. Если так, между нами все действительно кончено.

И Джулия согласилась. Сказала, что он выразился абсолютно точно. И что отлично ее понял.

С тех пор они почти не разговаривали. Она продолжала спать в их спальне, Брайан перебрался в комнату для гостей. В тех редких случаях, когда разговоров было не избежать, они старательно обходили тему своего совместного будущего. А десять дней назад Джулия объявила ему, что все решила. Что она хочет развестись.

Того же хотела и Кэрол Проуз. Проблема была в том, что она также хотела, чтобы ее муж мог встречаться с их девятилетним сыном лишь под надзором. Требование было нелепым и смахивало на месть, так что рассчитывать на его исполнение не приходилось.

Когда Джулия сообщила об этом условию Джорди Проузу, тот только покачал головой с седеющими висками и рассмеялся.

— Еще чего захотела, — небрежно бросил он. — И речи быть не может. Для подобного нет никаких оснований.

Последовала долгая пауза.

— Мой адвокат считает иначе, — произнесла Кэрол, глядя на Джулию.

Ее адвокат как раз иначе не считала, но советница Проуз вряд ли бы оценила, озвучь Джулия свое мнение. Она вновь покосилась на часы. Без десяти три. Пора было закругляться.

— Принимая во внимание возраст девушек, с которыми вы вступали в связь, я полагаю, основания утверждать, что вам не следует доверять ребенка, имеются. С моральной точки зрения.

Адвокат Джорди, старинная приятельница Джулии, Марси Лион, в свою очередь, покачала головой.

— Не пройдет, — сказала Марси. — И ты сама это знаешь.

— Моей бывшей просто обидно, — усмехнулся Джорди. — Вот и сыпет пустыми угрозами.

Кэрол выпрямилась в своем кресле. Все это Джулия видела уже не раз, дальше будет только хуже. Именно так и разыгрываются кровавые битвы за опеку. Обе стороны вступают в переговоры с благими намерениями достичь мирного соглашения, а заканчивается все безобразной сварой, которая сметает остатки человеческих отношений. Однако дожидаться развязки она уже не могла. Джулия не сводила глаз с часов.

— Думаю, — начала она, — мы достигли всего, чего собирались сегодня достичь. Наверное, нам с мисс Лион стоит встретиться вдвоем на этой недельке и хорошенько все обсудить.

— Ага, — пожал плечами Джорди. — Не забудьте обсудить, насколько глупо ее требование, — он кивнул на жену.

— Уверена, нам будет о чем поговорить, — улыбнулась Джулия. — Ну что? Хватит на сегодня?

Ей пора было бежать. Джулия уже смирилась, что за щенком не успеть — до школы было двадцать пять минут езды да еще полчаса до дома той медсестры. Однако теперь ребром встала куда более насущная проблема: срочно позвонить в школу, предупредить, что опаздывает, и попросить присмотреть за Анной. Она поднялась, прекрасно отдавая себе отчет, что подгоняет этим остальных. Марси удивленно уставилась в спину уходящей Джулии, Джорди же вовсе не смотрел ни на Джулию, ни на ее клиентку.

— И как вам это нравится? — скривилась Кэрол, выходя следом. — Он до ужаса самонадеян.

Джулия знала, что той хочется поговорить, и обычно она оказывала ей требуемую моральную поддержку,

но сейчас это было решительно не ко времени. Поэтому она только кивнула.

— Простите, но мне пора. Сегодня моя очередь забирать дочь из школы.

Прозвучало довольно жалко, что ее напрягло. Она-то собиралась стать как примерным профессионалом, сосредоточенным на карьере, что означало всецело быть в распоряжении клиентов, так и примерной матерью, что означало всецело быть в распоряжении дочери. Соблюсти оба условия одновременно было невозможно, но Джулия продолжала уповать.

В коридоре она достала из сумочки телефон, нажала кнопку.

Экран остался черным. Сотовый разрядился.

Джулия чертыхнулась. Порылась в сумочке, нащупывая зарядное устройство. И, разумеется, его не обнаружила. Зарядка осталась в машине. Можно было сбежать в офис и позвонить оттуда, но он находился в другом крыле здания. Куда быстрее было спуститься к машине и подключить там телефон к зарядке.

Джулия заторопилась по длинному коридору. Она не сомневалась, что все будет хорошо, но ей не нравилось опаздывать в школу за дочерью.

2

Отъехав немного, Джулия постучала ногтем по логотипу на экране сотового, понимая, что это не ускорит таинственные процессы, происходящие во включаемом аппарате. Точно так же, ожидая лифт, она, бывало, еще раз нажимала кнопку вызова, если ей казалось, что лифт едет слишком медленно. А порой нажимала и не раз.

«Быстрее все равно не загрузится», — мог бы заметить какой-нибудь многомудрый скептик, на что она бы лишь слегка улыбнулась: «Как знать?»